Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 18. Львовъ, 27 Цвѣтня 1856. РОКЪ IX.

ѢЗДЪ.

Скаржилася мамѣ донька:
— „Рокъ вже милый не вертае:
Болитъ мамко головонька,
Всю ночь вснути не долае.
Въ ночи вснути въ день забути —
Днемъ и ночью все думае:
Скоробъ жилъ — то малъ вернути,
Якъ не сгибъ — чожь не вертае?"

— „А може лягъ доню въ поли.
Козакъ не свыкъ долго жити;
Война любитъ кровцю пити;
Може жіе где въ неволи."

— „О, кто не зна' его любовь!
Якъ бы онъ былъ у неволи,
Онъ бы мамко зъ ума сойшолъ;
Тай я мамко зъ ума сойду
Якъ, недай-Богъ, лягъ у поли.'

— „Пусте тя ся доньцю взяло.
А якъ живъ ма' свободу,
Чижь на свѣтѣ дѣвчатъ мало?
Не вертае — любитъ другу,
Тай ты люби, тай збудь тугу."

— „Неньцю, най живъ любитъ другу,
Але я такъ не могу;
Я не жити то умерти
Но любити разъ до смерти —
Любитиму хоть най вмру.
Ой чула я моя мати
За чудъ-силу зѣль и варовъ;
Мати, дай ми такихъ чаровъ,
Щобъ змѣнившій мнѣ любовь
Лишилъ другу свою любу
У престола, и отъ слюбу
Пригналъ духомъ къ менѣ сновь:
А сли мильша друга мила — ?
Щобъ го вбила Божа сила!..."

— „Доню, свѣтъ ми заклопочешь;
Однакъ сробю коли хочешь:
Дамь ти зъ зѣлья чудъ не варъ.
У воротъ стань о полночи,
Щобъ не зляклась зажмурь очи,
Выпій — и готовый чаръ.
Най лишь вчуе зовъ примовы,
Чи веселье чи оковы,
Скоро любитъ, гнеть покине;
Скоро нѣтъ — то въ мѣстцу сгине.'

Якъ вповѣла тото мати,
Бѣдкажь ей со долгимъ днемъ;
Тяжко ночи дочекати,
А чаръ — добрый лишь средъ темь.
И повлекся день поволе,
Сгасло солнце, смеркло поле,
Схмарилось небо а крозь воздухъ тьмистъ
Гдесь-не-гдесь лишь видко звѣздъ.

(п. с.)

Довременное зло и его слѣдствія на народъ.

Когда терпѣніе одного лише человѣка трогаетъ глубоко сердце человѣколюбивое, тѣмъ больше цѣлыхъ народовъ. Одному можетъ большость счастливыхъ подати помощь, а хота неуничтожитъ его злосостоянія то потѣшитъ его и влїетъ

надеждꙋ въ отчаянное сердце. Но кто поможетъ народамъ если неимѣютъ въ своей дꙋшѣ толико силы чтобы всѣ ꙋдары понести терпѣливо? и щобы въ собѣ найти потѣшеніе?

Не есть тꙋ лише одинъ человѣкъ жалꙋючійся на свою долю; но миліоны семействъ чꙋвствꙋютъ тяжкій ꙋдаръ тяжкого времени. Разоренное благосостояніе роспространяется во всѣхъ сословіяхъ. Не одинъ богачь бываетъ лишеннымъ давныхъ средствъ бѣдномꙋ помочи, а число требꙋющихъ помощи ꙋмножается скоро. Одинъ можетъ легко прійти снова до давнѣйшого благосостоянія, но для народовъ треба столѣтій, дабы нанесенная рана загоилася.

Такіи мысли сꙋть ꙋдрꙋчительными и ꙋжасными для каждого человѣколюбца. Но въ томъ онъ сознаетъ неизслѣдимыи пꙋти Божого провидѣнія и примиряется съ всякимъ довременнымъ злымъ.

Безꙋмный отчаяваетъ. Мꙋдрый покланяется молчаливо Всемогꙋщемꙋ Отцꙋ и Ꙋправителю міра. Хотя и терневыи были бы пꙋти, имиже насъ Божое провидѣніе ведетъ, то всякій долженъ твердо ꙋвѣритися що они ко небесномꙋ воздвигаютъ нашего дꙋха и цѣлыи народы перетворяютъ и ведꙋтъ къ постояннομꙋ къ добромꙋ и истинномꙋ.

За тое стоитъ намъ понятіе о всеблагости Божой, повелителя сꙋдебъ людскихъ. Сія земля не есть то пастбищемъ для скотовъ или для тварей съ скотскими похотьми сотворенныхъ къ заспокоенію своихъ низкихъ требованій и къ выгодномꙋ житію; но земля сія есть ꙋчилищемъ, въ которомъ дꙋхъ человѣческій воспитывается къ высшемꙋ опредѣленію. Бываетъ часто, що неразъ даже тысяча изъ людей дꙋмаетъ: пощо печалитись высшимъ опредѣленіемъ? Здѣсь на земли ведется жизнь пріятна и весела. Но таковыи ꙋпадшіи, отвѣтъ находятъ своимъ безꙋмнымъ вопросамъ въ сꙋдьбѣ народовъ. Они то сꙋтъ, требꙋющіи злополꙋчныхъ временъ, дабы познали що счастье земское не есть послѣднею цѣлею ихъ бытія. Имъ нꙋжно крещенія кровію. Дꙋхъ Божій невселился въ ихъ сердцахъ. Така бываетъ воля отца всѣхъ людей и народовъ. Въ томъ ꙋвѣряетъ насъ каждый листъ исторіи. Мы дожили временъ, въ которыхъ неизчислимыи войска противо себе стояли подъ двома хорꙋгвами. Но то само лише въ иномъ видѣ передаетъ намъ Исторія тоже изъ древнихъ временъ. А бѣдствіе въ древности нанесенное войною было ꙋжаснѣйше теперѣшнего. Тогда то опꙋстошено и разорено не городы, но просторонныи краины. Взглянимъ на стороны Палестины, на цвѣтꙋщꙋю когдато Еладꙋ! Тогда безпощадно ꙋбивано воорꙋженного и не воорꙋженного и влечено цѣлыи народы изъ ихъ городовъ и поселеній безмилосердно, дабы ихъ дѣти и внꙋки рабствовали.

Въ нашихъ дняхъ не находимъ больше сего варварства. Человѣкъ стался благороднѣйшимъ, онъ воспитался въ ꙋчилищи многихъ и многихъ терпѣній. Онъ наꙋчился даже въ своемъ непріятелѣ цѣнити и почитати человѣчество.

Така была воля ꙋправителю міровъ, отца человѣчества! Такъ само и днесь мы должны познати его святꙋю волю. Исторія ꙋплынꙋвшихъ столѣтій изъясняетъ намъ много и много и рѣшаетъ отчасти вопросъ о событіяхъ нашихъ временъ. Тоже и нынѣшнее время должно человѣчество высшей мꙋдрости наꙋчити. Божая воля есть премꙋдрость и всеблагость;

томꙋ то да бꙋдетъ его волѧ ꙗко на небеси такъ и на земли.

Все оупадшое въ злобремѧ, бываетъ сѣменемъ длѧ блага бꙋдꙋщого поколѣньѧ. Ꙗкъ нашіи отцы не жили самы длѧ себе, но длѧ насъ: такъ и мы не жїемъ длѧ насъ самыхъ но длѧ нашихъ потомковъ. Мꙋдрость и глꙋпость, счастье и несчастье минꙋвшихъ лѣтъ есть зеркаломъ наꙋки длѧ бꙋдꙋщого поколѣньѧ. Такое пониманїе несчастьѧ временъ достойное христїанина. А кто неимѣетъ въ своей дꙋшѣ толико силы щобы къ той высокой мысли поднести своего дꙋха, тотъ стоитъ посередъ ночнои темноты безъ потѣхи и совѣта; оу того есть счастье все, а его дꙋхъ найменше — онъ бываетъ истинно несчастливымъ, не длѧ того ꙗковы онъ былъ нимъ, но длѧ того, понеже самъ хочетъ быти нимъ.

Ꙗкъ въ цѣлой природѣ все составлѧетъ нероздѣлѧемꙋю цѣлость; такъ и человѣчество отъ первовѣка есть нераздѣлимаѧ цѣпь благородныхъ естествъ, а всѣ народы сꙋть только единственными членами въ ней.

Истинно, несчастье сего времени неостанетсѧ безъ слѣдствїѧ длѧ лꙋчшей бꙋдꙋщности человѣчества! Но было бы безрозꙋмно нынѣ вопрошати; въ чемъ сїи слѣдствїѧ могꙋтъ состоѧти?

Благотворительныи слѣдствїѧ теперѣшнихъ временъ неможь нынѣ такъ само изчислити, ꙗкъ и длѧ поединчихъ людей изъ ихъ потери видимъ невозвратимой. Многотысѧчныи событїѧ играютъ оудивительно поможь проминаемыи часы и лѣта, и безпрестанно производѧтъ новыи ꙗвленїѧ, измѣнѧющїи видъ людскихъ отношенїй.

І. Гꙋшалевичь.

РОЗГОВОРЪ СЪ ФИЛОСОФКОЮ.

[Истинный появъ изъ житья]

Дивꙋютсѧ не одни, чомꙋ то где кꙋда дѣти, хотѧй имѣютъ доволѣ ѣсти и пити, до книжки анꙋ оутни — наꙋка неберетъ сѧ ихъ головы, чи голова наꙋки — и по всемꙋ. Розличныхъ досматриваютсѧ причинъ; многїи дꙋмаютъ же скꙋдность талантꙋ найбольшою стаетсѧ перепоною въ образованью дꙋха и сердца юного. Правда, не всѣ сꙋть обдаренны природою генїемъ; сесь маетъ больше дꙋха, тамтотъ есть похопнѣйшїй и нарꙋчнѣйшїй до чисто матерїалныхъ занѧтїй. Безꙋмныи, пꙋстаки, гꙋлѧки, люди безчестныи и лꙋкавыи не родѧтсѧ ꙗко такїи, но производѧтсѧ злыми обстоѧтельствами, злонаправленїемъ въ самомъ же началѣ, когда недосвѣдченною стопою, лишенны надзорꙋ розсꙋдныхъ, моральныхъ лицъ, принꙋжденны сꙋть ити пꙋтемъ житїѧ, старатисѧ о забезпеченїе бытꙋ. Каждомꙋ человѣкꙋ безъ розличїѧ опредѣленны сꙋть такїи свойства и способности, щобы могъ сдѣлатисѧ истиннымъ человѣкомъ, или нїакїй родѧщїй сѧ на сесь Божїй свѣтъ, не лишенъ есть можевности, выобразовати оумъ и сердце свое въ моральномъ направленїи — сдѣлати сѧ праведнымъ, честнымъ человѣкомъ. Каждый человѣкъ долженъ быти образованнымъ, но не каждый оученымъ. Образованность а оученость, ꙗкъ оуже оупотребленїе двохъ тѣхъ изреченїй доказꙋетъ, не есть то одно и тое самое понѧтїе, ꙗкъ то въ обыкновенной беседѣ люди одно съ дрꙋгимъ мѣшати навыкли; можь быти человѣкомъ оученымъ но при томъ нечестнымъ, лꙋкавымъ, человѣкомъ безъ характерꙋ, или коротко — можь быти оученымъ а вразъ и необразованнымъ. Заглѧньмы въ исторїю, обозрѣмсѧ до около себе, а найдемъ не-

сомнѣтелно ꙗвныи доказательства. Оученость, если перетворяетъ, оусовершаетъ свойства человѣка, къ благомꙋ, праведномꙋ оказанїю его передъ лицемъ свѣта, къ совершенномꙋ осягненїю опредѣленной емꙋ благородной цѣли — стается въ тотъ часъ образованностїю; наꙋка такимъ дѣломъ не идетъ въ чистое свѣдѣнїе, но стается живою, ꙗвляется въ образѣ человѣка, надаетъ емꙋ вышшости, красоты, и величїя. Жалько намъ, когда мы бачити есьмы принꙋжденны, ꙗкъ ложное днесь есть понятїе образованности, заключающое ею въ порожный видъ поверхного складного оуемченїя, или лꙋчше оудресованїя тѣла. По семꙋ ложномꙋ мнѣнїю выфризованны паничики оуходятъ за образованыхъ, хотяй въ головѣ ихъ пꙋста, та пꙋста полова — а въ сердцꙋ современна хопта всю благородность приголомшаетъ. Головна принꙋка къ томꙋ мороковмꙋ злꙋ, есть погибельне загальное направленїе временного дꙋха (Richtung des Zeitgeistes) къ чисто вещественномꙋ. Дꙋховная сила теряетъ много сопротивъ вещественной, котора владѣетъ днесь вселенновь, а дꙋхъ, ꙗко отклечимое естество, пострадавшїй много на совершенствѣ идеальномъ, сияится въ слꙋжбѣ вещества осягнꙋти совершенства реального. Ꙗкъ далеко зайдетъ тое стремленїе и чи оно оусчастливитъ человѣка, окажетъ бꙋдꙋщина, окажетъ постꙋпъ всемїрного розвою.

Намѣренїемъ моимъ бꙋдетъ оказати крайность, (*extrem*) въ ꙗкꙋю попадаются нѣкїи современники ба современницы нашїи и ꙗкъ вредливыи сꙋть влїянїя такого гадкованья на пропитанїе дѣтей, въ слѣдꙋющомъ отбывшомъ ся воистинно розговорѣ.

Въ грꙋдни, минꙋвшого рокꙋ, были крѣпкїи морозы, давали ся чꙋти не лише въ костяхъ, но особенно на носѣ, которая то несчастливая, часть тѣла найбольше наряженна есть на опасность совершенно преморозитися. Ось такъ надъ вечерь вышолъ емь былъ зъ моей волгкотливой комнаты, щобы опамятатися крыхтꙋ на свѣжомъ воздꙋсѣ, по такъ скꙋпной гребаннинѣ по межи наꙋковыми фолїантами. На мѣстѣ было людно, но не съ всемъ весело, бо и скꙋливши ся мчали одни передъ дрꙋгихъ похꙋхꙋючи въ кꙋлаки та подтягаючи заедно пятаки на оуха. Гꙋ! подꙋмалъ ꙗ собѣ, не въ ладъ менѣ днесь прохаживатися;" зарывши ся въ мою поверхнꙋ сꙋрдꙋтинꙋ, обойшолъ емь скоро два разы до окола рынокъ, а закимъ вылѣзъ на третїй поверхъ до моей клѣти, тожь и змерклося совершенно. Войшолъ емь въ комнатꙋ, а пересидѣвши нѣсколько хвиль на розгадцѣ, запалилъ свѣчкꙋ и розложивши книжки, сталъ опять мыслею заниматися римлянами. Ꙗ не зналъ же моя газдиня прїймала въ дрꙋгой комнатѣ оу себе гостя, ꙗкꙋсь тамъ еймость макꙋдь своячкꙋ, которой то хлопакъ совершенный пꙋстакъ, пребываючїй лꙋчше на лѣности въ Львовѣ нежь на наꙋцѣ, имѣлъ свое пропитанїе вразъ съ много иными оу тоижь газдини.

Зачитавши ся глꙋбоко въ римскомъ историкꙋ, и не скажалъ ꙗ, ꙗкїй тамъ напряжный скаръ и клекотъ вчалъ ся межи бабами. Построкали ся и стали молоти ꙗзыками, заякъ лишь можь скоро. Зачꙋвши наконецъ чимъ разъ взмагающїй ся тотъ верескъ, которомꙋ второвало до тактꙋ и лꙋсканье дверей, погадалъ ꙗ собѣ: „Чи лихо васъ понападало, чи конецъ свѣта прїйшолъ на васъ вже!" — Всмотрѣвши ся короткїй часокъ безъ мысли

къ стѣнѣ, сталъ емь опать читати.

Въ полъ часа по томъ ѧзыковымъ рекнованію, отворилисѧ двери отъ второй комнаты, войшла ѩкась присадковата, рѣдоволоса женщина и оусѣла на моей постели близько мене. Спогланѣлъ емь на ню и ѩкось не добре менѣ оучинилосѧ. Была то женщина не прїатного личного выразѹ; толстыи лица, короткїй заостренный носъ, вызираючїи мовь сподъ глѹбины сивыи очи, низке а широке чело, шерсткїи брови, коротка шїѧ, цѣлецъ (тѹлѹбъ) не сорозмѣрный, а при томъ ще рѹдый волосъ, — охъ! то ѩкось не до оуподобы хотьбы комѹ, не що молодомѹ.

— Господине! вы мѹсите быти великимъ философомъ, когда такъ глѹбоко зачитали и загадалисьтесѧ, що и недоходитъ васъ такїй сваръ, такїй крикъ, ѩкъ онъ тѹтъ ведетсѧ; озвалась къ менѣ патетично.

Знаючи добре, же запѹскатисѧ въ бесѣдѹ съ бабою есть то розпочинати оутомлающѹ епопею, отказалъ ѩ скромно и коротенько:

— Госпожа да простит! ѩ именѹюсь въ правдѣ философомъ, но на великого философа и не оумылъ сѧ. Дороге времѧ, тожь нѣтъ сважати на пѹсте, но читати коли есть що.

— А отже, отже; томѹ то вы есьте философомъ, коли не сважаете на ничь пѹстого. Прецѣжь не зле бы то было, щобы вы и моемѹ сынови, часомъ где нещо о философїи говорили.

— Етъ! отъ! вашомѹ сынови не до философїи; онъ писати правильно не знаетъ, не що онъ философїѧ, отповѣлъ ѩ смѣючись, и свачивши, що тѹтъ не отбѣдкатисѧ отъ розговорѹ, наложилъ емь люлькѹ, въ надеи, же хотай отъ дымѹ закашлаетсѧ, та мене понехаетъ.

— Ѩкъ то не до философїи? отозвалаcѧ на тое оураженна. Пѹстивши страшенный клѹбъ дымѹ промовилъ ѩ:

— А знаетъ ли госпожа що то есть философїѧ?

— Философїѧ? отожь ми глѹбокое дѣло знати! Волтеръ былъ такожде великимъ философомъ, а всѣ философы мовлатъ, що нѣтъ Бога, только самаѧ природа.

— То такъ, такъ госпожа дѹмаетъ о философїи? есть то очень ложное мнѣнїе; тожь и не дивъ менѣ, чомѹ то вашь сынъ такъ счастливо вегетѹетъ, коли вы самы хапаетесь такъ мерзкихъ мнѣнїй.

— Ѩкъ то? скрикнѹла злостно моѧ госпожа.

— А такъ, такъ, отказалъ ѩ не оудовольно; каждый що такъ дѹмаетъ, есть обманенъ, попавшїйсѧ на бездорожїе оумное. Истинно образованный человѣкъ, познаетъ всюда Бога, а зарозѹмѣлыи не доѹченныи мѹдрагели, для которыхъ оувѣренїе въ Бога лишь страханїе навелобы, почитаютъ черево божествомъ рота.

— А то вы дѹже высоко летаете! говорила тѣмъ больше розаренна еймость; такїи то высоко оученыи ѩкъ вы, сходатъ свычайно на тое, що потомъ босыи слѣды роблатъ, та не маючи ложкѹ стравы, о жебранномъ хлѣбѣ ходатъ.

А тѹтъ чиста напасть прискипала сѧ мене, подѹмалъ ѩ собѣ; кѹрю люлькѹ що силы, натьмилъ емь що ажь прозрѣти тажко, где тамъ — не отчепитсѧ, и незакашлаетсѧ. Пожди но! коли такъ, скажѹжь ѩ тобѣ, знай що розговоривати о философїи!

— Вже то досыть не красно есть для еймости, що беретсѧ до философїи а не двбаетъ о тое, щоби дѣти ей негайнова-

ли часъ, та не травили пꙋстѧкованьемъ молодыхъ лѣтъ, но хапались наꙋки.

— Господине! вы не ложите своихъ грошей на мои дѣты, тожь и нѣтъ жалѣти вамъ надъ ними. Го? го! недалеко зайдете, коли оттеперь вже такъ высоко гадаете. Рꙋчꙋ вамъ, спомнете мое слово, если безъ портокъ небꙋдете ходити.

— Прошꙋ, що за ворожка зъ госпожи; ꙗ дꙋмаю, скорше пойдетъ сынъ вашь съ торбами, та и вы господа Бога за ноги не споймали, тѣмъ больше же есьте безъ вѣры, безъ религїи; кто знаетъ на ꙗкꙋ бѣдꙋ еще сойти можете.

— Ꙗ то вы простакъ ꙗкъ бачꙋ господине! отказала зачервонѣвшись ꙗкъ бꙋракъ отъ злости.

— Женщина до горшка не до философїи, отповѣлъ емь нетерпеливо. Женщинѣ дбати о тое, дабы дѣти честно, богобойно подрастали, но если она сама не есть богобойна, есть найгоршою матерею длѧ дѣтей своихъ; не варта станꙋти за вѣхоть на семъ свѣтѣ.

— Ꙗ то дерзость, бачьно — такїй молодикъ а такъ тꙋтъ розправлѧетъ! Вамъ ще молоко необсохло по подъ носъ; ꙗ могꙋ вамъ матерею быти, не то онъ що бы вы мене тꙋтъ морализовали; гꙋмъ що за дерзость, говорила вставши изъ постели позираючи съ презрѣнїемъ на мене.

— Хрань и спаси всѣхъ Боже отъ такой матери ꙗкъ вы! моѧ мати дѧковати Богꙋ не розправлѧетъ о философїи, вповѣлъ емь гнѣвно прохажаючись по комнатѣ.

— Є видко, видко що материнъ сынъ. ꙗвно и мамꙋнѧ ваша также мꙋситъ быти така мꙋдра.

— Дꙋже прошꙋ не нарꙋшати матери моей; ꙗ съ еймоствь не заходилъ въ розговоръ правда? прошꙋжь оставити мене въ мирѣ, бо мой ꙗзыкъ не навыкъ молотити такъ скоро, а лꙋчше волѣлъ бымь горшки полокати нежь бесѣдити съ вами.

На сей такъ рѣшительный отвѣтъ мой, еймость не отповѣла и словечка, но бздꙋркаючи собѣ щось подъ носомъ, отойшла злостно до второй комнаты, немогꙋчи доволѣ нажаловатисѧ на дерзость и простотꙋ такъ молодого ꙗкъ ꙗ человѣка.

Никогда не приключило сѧ менѣ бесѣдити съ философками, тожь и розговоръ тотъ не мало задиловалъ мене. Теперь ажь ꙗсно позналъ ꙗ, чомꙋ то сынъ ей больше прикладалъ сѧ до красного оучесаньѧ волосѧ, нежь до книжки. Безъ найменшого розгадꙋ, занѧтый лишь совершенно низькими вещественными мыслами, подросталъ онъ зъ днѧ на день, набираючи больше черевного объемꙋ, нежь образованности. Не видко по немъ было ни зъ задꙋ, ни зъ передꙋ, що онъ вже девѧтый годъ перебывалъ на наꙋцѣ. Такъ то всегда бываетъ, если нѣтъ комꙋ засѣѧти зерно богобойности и честности въ грꙋди дитинной, которое ставтсѧ коренемъ всей образованности бꙋдꙋщого человѣка.

Слава Богꙋ! не много матерей находитсѧ оу насъ такихъ, ꙗкъ помѧнꙋтаѧ философка. Є. Згарскій.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ.

(продолженіе)

3. Ярославъ. Тутъ говорится о пораженіи Татаръ Чехами и Моравцами при Оломуцѣ, въ 1241 г. 24 Червца. Татаре и Монголы ворвались въ первой половинѣ тринадесятого столѣтія въ Европу, розбили Русиновъ и Половцевъ при рѣцѣ Калка 1224 года на голову и розльялись по цѣлой Руси. Оттуду рынулися на Польщу. Кровопролитная борьба рѣшила на сторону ордъ Азіатскихъ. Болеславъ стыдливый убѣжалъ. Победители роз-

дѣлились на двѣ толпы. Одна подъ вождемъ Батыемъ двинулась на Угры, поразила Угорскіи войска подъ предводительствомъ короля Белы и опустошала край огнемъ и мечемъ. Другая подъ вождемъ Бадайромъ верглася на Шлезію. Дребезги розбитыхъ войскъ, убѣгающіи на западъ, заповѣдали сближающуюся грозу. Тугою застогнали христіанскіи землицы. Одинъ только, хоробрый Вацлавъ I. король Чешскій, не унывалъ но вооружался противъ рѣшительнои пагубы. Онъ велѣлъ проходы въ горахъ Исполинскихъ засѣками завалити, замки и монастыри укрѣпити, со всѣхъ сторонъ защитниковъ вѣры подъ свою хоругвь затягнути, и такъ ожидалъ онъ стрѣтенья съ поганьцами. Но орды, видячи такъ величественныи, непреодолимыи почти съ той стороны вооруженья, воротились на Оломуцъ. Тогда Ярославъ, предокъ извѣстнои въ Чехіи родины Стернберговъ, поспѣшаетъ до Моравы, кидается съ 12 тысячами войска до Оломуца и боронится хоробро противъ непріятеля. Надтягаютъ вспомагательныи войска, и Ярославъ нападаетъ на Татаръ 24 Червца 1241 года. Люта битва закипѣла. Татаре тратятъ вожда, убѣгаютъ и Гана свободна. Память о богатырскихъ подвигахъ съ тѣхъ временъ грозы удержуется еще доселѣ межи Моравскимъ народомъ въ нѣкоторыхъ обычаяхъ. Такъ въ Стренбергу пекутъ около зеленыхъ святъ тѣста въ видѣ рукъ, ушій и иныхъ членовъ въ воспоминанье, що дикіи орды обтинали христіанамъ руки и уха на знакъ побѣды. Пѣвецъ называетъ Татарского хана Кублаемъ. Такъ тая пѣснь найменше въ 20 лѣтъ послѣ событія коло Оломуца составленна. Ибо Кублай, внукъ Джингисхана, сынъ Тула а двоеродный братъ Батыя опустошавшого Европу, не былъ ханомъ Татарскамъ въ 1241 году, а владѣлъ не прежде якъ по смерти брата своего Мандшу отъ 1259 до 1294. Онъ и довершилъ покоренье Китая. Тое имя могло въ народѣ розширитись потому, що Монголска власть сягала далеко въ Европу и отъ года 1245 западная Европа многіи посольства къ Монголамъ отправляла. Народный пѣвецъ, незнаючи исторіи Азіатскихъ владѣтелей, взялъ изъ устъ народа тое названье до своей пѣсни, иль, ежели тая пѣснь вчаснѣйше составленна, то названье Кублай позднѣйше до пѣсни досталось. Изъ устъ народа взялъ пѣвецъ и упомянутую въ пѣсни причину нашествія Татаръ на Европу. Въ Шлезіи кружило преданье межи народомъ, що убьенье якоито Монголскои княжни возбудило месть отца ей Хана, который предпріялъ походъ на христіанъ запада. Нѣмцы въ самомъ дѣлѣ убили года 1241 княжну, но не Татарскую а Русскую. Волыньская лѣтопись розсказуетъ, що Михаилъ Всеволодовичь дѣдъ Чешскои Кунгуты, Отокара II. жены, по взятіи своего города Кіева отъ Монголовъ, до Шлезка въ землю Вротиславскую убѣгъ, и пришелъ къ городу Нѣмецкому Среда, где Нѣмцы убили ему люди и товару много забрали, и внуку его убили. Народъ глядаючи причины нашествія Татарского, смѣшалъ особы, и сдѣлалъ изъ внуки Михаила Всеволодовича княжну Татарскую. Въ розмѣрѣ того стихотворенья видно больше искуственности, и вообще больше соотвѣтствуется требованіямъ епопеи, нежели въ другихъ пѣсняхъ.

4. Честміръ и Влаславъ. Тутъ розсказуется розбитье измѣнника Крувоя и Власлава, князя Луцкого, иль Жатецкого черезъ вожда Честміра. Козма, Далимилъ и Гаекъ говорятъ о томъ событіи почти единогласно; розличіе межи ними а пѣснью заходитъ только въ именахъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, инакше въ пѣсни представленныхъ. Вотъ скороченный розсказъ Козмы. Во время княженія Некланова собылась на поляхъ Турска битва межи Чехами а Лучанами. Властиславъ, князь Лучановъ (отъ города Жатечъ позднѣйше названныхъ Жатечановъ), надменный по тому, що многіи надъ сосѣдами одержалъ побѣды, умыслилъ завоевати цѣлую Чешскую краину. Въ той цѣли обсылаетъ мечъ свой по землицахъ съ повелѣніемъ, щобъ каждый перевышающій ростомъ оный мечъ затягнулся подъ хоругвь военну иль отъ того меча гинулъ. Якаясь мачоха, отпускаючи на войну своего пасерба, совѣтуетъ ему, щобы, прежде нежели до бою пойдетъ, передъ своимъ конемъ сдѣлалъ на дорозѣ крестъ, и щобы первому непріятелеви, на которого попадетъ, уха урѣзалъ и такъ чѣмъ борше изъ побоища убѣжалъ. Собираются многочисленныи толпы. Властиславъ имѣлъ до нихъ рѣчь, въ которой мѣсто оружія кажетъ имъ брати соколы, ястребы, крагуи, щобы ними розтерзати вороговъ, и грозитъ, що женамъ непріятелей щенята до грудей babприкладаетъ. Чехове уляклися, и для того прикликуютъ чаровницу, которая имъ совѣтуетъ посѣкати осленка на куски и ними войско обдѣлити. Собылося, и Чехове необыкновеннымъ розгорѣли мужествомъ.

Однако боязливый Некланъ, Чешскій князь, удаетъ слабость, прикликуетъ до себе хороброго молодца, Тыра, и даетъ ему свои доспѣхи, щобъ закутался и вмѣсто него на непріятеля ударилъ. Войска стаютъ до битвы. Властиславъ кажетъ выпустити хмару хищныхъ птахъ. Загремѣла яростная битва. Лучане всѣ невидимою убиты силою, кромъ одного, который спасся по совѣту мачохи; но воротившись домой нашелъ жену свою убиту и безъ ушій. Изъ того розсказу видно, що Козма черпалъ преданье свое изъ баснословной повѣсти. Событіе тое относитъ Гаекъ до года 869. Некланъ былъ отцемъ Гостивила а дѣдомъ Борживоя, который черезъ Меѳодія крестился года, якъ Козма кажетъ, 894. Названья обохъ богатыровъ въ нашей пѣсни скорочены. У Козмы и въ иныхъ лѣтописяхъ стоитъ Властиславъ, въ пѣсни же Влаславъ. Названье Тыро, Штыръ, Штырконъ перемѣнено тутъ на Чміръ и Честміръ (Чтиміръ).

5. Людиша и Люборъ. Тутъ описуется съѣздъ бояръ къ одному Залабскому князю и богатырскіи поединки, или турниры. Такіи поединки заведены въ Чехіи черезъ короля Вячеслава I. межи 1230 а 1253 годами и отбывалися съ особливою пышностію при королѣ Премыслѣ Отокарѣ II. межи 1253 а 1278. Такъ и около того времени вѣроятно появилась тая пѣснь. Самъ розмѣръ стиховъ показуетъ; що она не есть произведеньемъ сѣрои минулости. Однакожъ Свобода утверждаетъ, що пѣсня „Людиша и Люборъ" явилась предъ тринадесятымъ столѣтіемъ. Онъ опирается на томъ, що въ той пѣсни богатырскіи поединки отбываются при дворѣ Залабского князя, и що побѣдителю служитъ нагородою рука красавицы княжны. При Премыслѣ Отокарѣ II. все уже было онакше. Но въ томъ случаѣ належалобы, вопреки лѣтописямъ, заведенье богатырскихъ поединковъ въ Чехіи отнести къ временамъ до Вячеслава I.

6. Забой, Славой, Людекъ. Тое стихотворенье есть найлучшою народною епическою поемою, и найбольшои цѣнности въ цѣлой рукописи. Тутъ розсказуется о пораженіи Чехами якого то чужеземного короля, которого имя неизвѣстно. Мейнеотъ видитъ въ томъ королѣ Людвика Нѣмецкого, предпринимавшого походъ для вспоможенья четырнадесяти изгнанныхъ Чешскихъ леховъ, которыи въ Резнѣ вѣру христову пріяли; года 849 претерпѣлъ онъ, видится, на рубежахъ Баваріи пораженье, отъ которого только дребезги войска его спаслися. Свобода утверждаетъ, що Чешскій Славой есть не иный кто, якъ славный Корутаньскій Само, который поразилъ Франковъ подъ предводительствомъ Дагоберта Великого (628-638). Сѣмѣньскій не согласуется съ Свободою, а кажетъ, що Само, извергши иго Унно-Аваровъ (г. 624), возбудилъ духа народности въ сродственныхъ племенахъ. Вѣтви великого Словянского поколѣнья стали соединятися. Сосѣдныи франки не могли холоднымъ окомъ на возмогающуюся силу Сама поглядати, и только способнои до зацѣпки ожидали поры, а тая случилася вскорѣ. Ихъ король Дагобертъ выслалъ отрядъ франковъ до Норикумъ. Пришельцы стали угнѣтати сосѣдныхъ словянъ, и мечемъ на вѣру христову навертати. Словяне розсердились на тѣ злоупотребленья, подали собѣ руки и вытяли пришельцей въ пень (г. 629). Такъ тіи франки не моглиже то быти оныи чужеземцы подъ вождемъ Людекомъ? А Славой не могъ ли быти иный кто, якій вождь въ Чешской земли, а не самъ Само? Само, истребившій Унновъ, усилился и вѣрно не допустилбы чужихъ тирановъ, якъ то и годомъ позднѣйше доказалъ. Когдабо розгнѣванный за оную обиду Дагобертъ года 630 трема войсками въ рубежи Словенскіи вторгнулъ, Само его на голову розбилъ. Край Чешскій, где, якъ Забой поетъ, къ отцамъ отшелъ отецъ и въ дѣдинѣ оставилъ только дѣти, былъ способнѣйшій для чужеземцей; тамъ способнѣйше могли лупити и вѣру накидати, где верховная власть Самона, можетъ быти, только въ время войны розтягалась. Такъ цѣла пѣснь по мнѣнію Сѣмѣньского содержаніемъ только съ событіями въ г. 629 сходна. Пусть будетъ якъ нибудь, но то вѣрно, що описанное въ той пѣсни событіе принадлежитъ епоцѣ дохристіаньской.

(П. с.

Книжное извѣстіе.

Небавкомъ выйдетъ зъ книгопечатни Института Ставропигіяньского сочиненіе: „Проповѣди недельныя" угорского священника господина Мустіановича; есть то сочиненіе въ дополненіе изданныхъ нимъ попереднѣйшихъ проповѣдныхъ сочиненій, которыхъ достати можь въ книжной лавцѣ.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.